

Китайский фактор в АПК приграничного региона: итоги 20 лет сотрудничества¹

С.Н. МИЩУК, кандидат экономических наук

E-mail: svetamic79@mail.ru

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,

Биробиджан; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва

Аннотация. В статье на примере Еврейской автономной области, расположенной на юге Дальнего Востока России, рассматриваются особенности привлечения китайских работников в сельское хозяйство российского региона. Приграничное положение области с провинцией Хэйлунцзян (КНР) способствовало формированию устойчивых внешнеэкономических связей, в том числе в сельском хозяйстве. Рассмотрено изменение роли китайских граждан в развитии сельского хозяйства и сельской местности Еврейской АО с конца 1990-х годов по 2020 г. Показано, что в области китайцы присутствуют в качестве инвесторов, производителей, рабочих, фермеров. Выделены и охарактеризованы три периода российско-китайского взаимодействия (2000–2010 гг., 2011–2019 гг., 2020–2021 гг.).

Ключевые слова: международное сотрудничество; Китай; китайский труд; инвестиции; российско-китайские отношения; сельское хозяйство; сельская местность; COVID-19; Дальний Восток; Еврейская автономная область

Введение

Более 25 лет назад произошли кардинальные перемены в политической и социально-экономической ситуации нашей страны, что имело место и в расширении практик российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке России. Началось оно с трудовой миграции, оказавшей влияние на рынок труда обеих сторон, продолжилось вхождением китайских инвестиций в регион, в том числе – в сельское хозяйство. Для китайской стороны, как и для российской, важна оценка существующих практик развития двустороннего взаимодействия [Jiang et al., 2018]. С одной стороны, торговые войны США и КНР, начавшиеся в июле 2018 г.,

¹ Научно-исследовательская работа выполнена в рамках государственного задания Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН на 2021–2023 гг.

привели к усилению внимания китайской стороны к сотрудничеству с Россией. С другой – для многих удаленных субъектов РФ Китай является весьма значимым торговым партнером, инвестором, поставщиком рабочей силы.

Еще в советский период проблема нехватки трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Дальнего Востока решалась в том числе за счет использования труда иностранцев [Пискунов, 2014]. Открытие границ и активное развитие внешнеэкономических связей в 1990-х годах привели к тому, что на протяжении вот уже более чем 20 лет китайский труд и финансы встраиваются в социально-экономические системы приграничных регионов Дальнего Востока, трансформируются взаимоотношения китайских граждан с местным населением и органами власти.

Наиболее ярко эти процессы прослеживаются на примере Еврейской автономной области (ЕАО), которая расположена на юге макрорегиона и граничит с провинцией Хэйлунцзян (КНР). В настоящее время 80% проектов сельскохозяйственного сотрудничества провинции с РФ сосредоточены на Дальнем Востоке. По состоянию на 2019 г. в ней действовало 162 предприятия, занимающихся сельским хозяйством в России [Ren, 2019]. Снятие ограничений на экспорт сои из РФ в КНР (июль 2019 г.) еще больше расширило возможности подобного взаимодействия.

Целью данной работы является выявление особенностей российско-китайского сотрудничества в сельском хозяйстве на примере Еврейской АО за период 2000–2020 гг. Под «китайским фактором» мы понимаем совокупность китайских ресурсов, а именно: рабочей силы, финансов, технических и нематериальных возможностей, используемых китайской стороной на территории российского региона.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на анализе статистических данных социально-экономического развития, показателей развития сельского хозяйства Еврейской АО, динамики привлечения китайских трудовых мигрантов в сельское хозяйство региона.

Использованы также результаты исследований по данной теме, проведенные ранее автором и другими специалистами. В 2010 г. были взяты 13 глубинных интервью у представителей

власти и бизнеса области, деятельность которых непосредственно связана с регулированием или использованием иностранной рабочей силы из Китая. Стояла задача оценить степень влияния международного взаимодействия, в том числе с участием трудовых мигрантов, на социально-экономическое развитие области [Мищук, 2014].

В 2014 г. были проведены неформальные интервью с российскими фермерами (12 человек), работающими в ЕАО. Основной целью было изучение проблем в сельском хозяйстве области с позиции сельскохозяйственных производителей [Мищук, 2020].

В 2019 г. проводились полуформализованные интервью с главами (или заместителями глав) муниципальных районов ЕАО, в которых рассматривались последствия присутствия китайских арендаторов для социально-экономического развития данных районов.

Обзор литературы

Уровень и направления развития российско-китайских отношений в сельском хозяйстве в начале XXI века являются предметом изучения для многих исследователей. Актуальность темы возрастает по мере усиления влияния внешнеэкономического фактора на развитие сельского хозяйства Дальнего Востока. А. Г. Ларин, признавая существенную роль китайских мигрантов в экономике макрорегиона, отмечал засилье на местных рынках производимой по обе стороны границы китайской продукции. В середине 2000-х гг. и позже российско-китайское трансграничное взаимодействие сводилось в основном к экспорту из Китая овощей, фруктов, мяса. Последствия этого были губительны для российского сельскохозяйственного производства, хотя и выгодны для российских потребителей [Лузянин, Ларин, 2017].

В начале 2000-х гг., на основании Земельного кодекса РФ² и Федерального закона № 101-ФЗ³ иностранные граждане и юридические лица получили право арендовать в России земельные участки сельскохозяйственного назначения на срок от трех

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ.

³ Федеральный закон от 24.07.2002. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

до 49 лет (ст. 9 закона № 101-ФЗ). Это позволило китайским производителям вести сельскохозяйственную деятельность непосредственно на территории РФ.

В целях активизации двустороннего сотрудничества была принята Программа взаимодействия северо-восточных провинций Китая с Россией (2008–2018 гг.), которая, в частности, предполагала переход от экспорта сельскохозяйственной продукции к производственной кооперации, созданию российско-китайских аграрных комплексов на территории Дальнего Востока. Необходимым элементом и важным условием развития аграрного сектора Дальнего Востока рассматривалось расширение экспорта китайской рабочей силы в Россию [Zhou, 2015; Ларин, 2008; Хорие, 2017; Yi et al., 2020].

В современных исследованиях китайских авторов прослеживаются идеи о необходимости привлечения технологических разработок и иностранных инвестиций для более эффективного использования ресурсных преимуществ российского сельского хозяйства [Ren et al., 2020], важности расширения политической поддержки для увеличения объема сельскохозяйственного импорта и экспорта между провинцией Хэйлунцзян и Россией [Ren, 2019]. По мнению С. Цзоу, расширению трансграничного сельскохозяйственного сотрудничества на Дальнем Востоке может способствовать изменение импортных таможенных тарифов и НДС, отмена китайской стороной лицензирования импорта сельскохозяйственной и побочной продукции [Цзоу, 2017].

Основные предложения китайских авторов направлены на интенсификацию российско-китайских отношений в сельском хозяйстве, расширение возможностей экспорта российской сельхозпродукции в КНР и ее переработки. Заинтересованность в этом объясняется повышением уровня жизни в Китае и увеличением потребления молочных и мясных продуктов. С российской стороны озвучиваются идеи о необходимости углубления переработки, расширения посевных площадей и наращивания экспорта сельхозпродукции в КНР.

Сельскохозяйственный сектор в разных регионах Дальнего Востока различается по динамике развития, отраслевой структуре, экспортному потенциалу и ситуации на рынке труда.

Так, в сельском хозяйстве Еврейской АО сложившаяся ситуация после 1990-х гг. во многом определялась отсутствием важных отраслей агропромышленного комплекса (производства сельхозтехники, минеральных удобрений, предприятий пищевой промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, системы заготовки и хранения продукции отрасли) [Мищук и др., 2017].

Изменение унаследованной от СССР системы развития сельскохозяйственной отрасли было связано с трансформацией структуры АПК [Там же]. Происходило, с одной стороны, уменьшение посевных площадей, с другой – возрастала доля посевов сои, предназначенной на экспорт в Китай. Таким образом, если советская сельскохозяйственная система ориентировалась на обеспечение продуктами питания местного населения, то в рыночных условиях на первый план вышли вопросы производства востребованной за рубежом продукции, производство и экспорт которой не решали вопросы продовольственного обеспечения в российских регионах.

Рассмотрим отдельные аспекты российско-китайского взаимодействия в сельском хозяйстве Еврейской АО в 2000–2020-х гг.

Результаты исследования и обсуждение

Сельское хозяйство и иностранная рабочая сила

Сельское хозяйство исторически – одна из значимых отраслей экономики ЕАО. Его доля в валовой добавленной стоимости области (в основных ценах) в 1995 г. составляла 11,2%, в 2002 г. – 12%. В 2005 г. доля сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства достигла 16,3%, что было максимальным показателем в последующие годы. В 2018 г. доля в валовой добавленной стоимости снизилась до 7,4%. Среднегодовая численность занятых в 2000 г. в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве составляла 13,6% от численности занятых в экономике области, в 2019 г. – 8%.

С 2000 г. по 2019 г. посевные площади в регионе увеличились почти вдвое – с 79,7 тыс. га до 143,1 тыс. га⁴. При этом

⁴ В 1990 г. площадь посевных площадей области составляла 146,9 тыс. га. Максимальные значения отмечались в 2018 г. – 163,2 тыс. га.

в структуре посевов существенно выросла доля сои (в 1990 г. она составляла 25,8%, в 2013 г. – 80,2%, в 2019 г. – 92,5%)^{5,6}.

За постсоветский период социально-экономическая ситуация в сельской местности региона значительно ухудшилась, постепенно происходит маргинализация ее населения, нехватка специалистов и рабочих стала одной из ключевых проблем сельского хозяйства ЕАО. Привлечение в него местных жителей (в том числе – сельчан) осложняется не столько недостаточным наличием рабочих мест, сколько низким уровнем заработной платы при высокой трудоемкости в отрасли.

В 2001 г. отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства к среднему уровню по ЕАО составляло 36,5%, в 2013 г. – 43,5%. Это один из минимальных показателей среди всех видов экономической деятельности [Мищук, 2014]. В 2019 г. средняя зарплата в сельском хозяйстве выросла до 59,4% от среднерегionalной⁷, однако она все еще остается непривлекательной для трудоустройства.

Китайские трудовые мигранты могут привлекаться как российскими, так и иностранными работодателями на основании квоты на использование иностранной рабочей силы. В 1998 г. на сельское хозяйство было выдано 74,4% от общего числа квот, полученных областью, остальные квоты были распределены на общую коммерческую деятельность. Позже иностранных мигрантов стали активно привлекать в лесное хозяйство, строительство, промышленность. К 2005 г. за счет этого доля квот на сельское хозяйство постепенно сократилась до примерно 30%.

Начиная с 2015 г. в области сокращаются объемы квот на строительство, снижены заявки по лесозаготовке и лесопереработке, что привело к увеличению доли сельского хозяйства до 50–55%⁸. Но в 2019 г. доля иностранной рабочей силы

⁵ Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство в Еврейской автономной области, 2019: Стат. сб. / Хабаровскстат. Биробиджан, 2019. 64 с.

⁶ О посевных площадях, валовом сборе и урожайности сельскохозяйственных культур в 2019 году в Еврейской автономной области: Ст. бюллетень/Хабаровскстат. Биробиджан, 2020 г. 61 с.

⁷ Еврейская автономная область в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. /Хабаровскстат. Биробиджан, 2020. 99 с.

⁸ Данные рассчитаны автором на основе собранных статистических данных и отчетных материалов Управления по труду Правительства ЕАО.

в численности занятых в сельском хозяйстве вновь составила около 30%.

При этом в абсолютных значениях, начиная с 2005 г., по сельскому хозяйству ежегодно подавались заявки на 1–1,5 тыс. человек, а доля иностранной рабочей силы в численности занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в 2005–2015 гг. колебалась от 17 до 39% при среднем значении 23%.

Таким образом, в сельском хозяйстве ЕАО с конца 1990-х гг. по 2019 г. сохранялось относительно устойчивое число привлекаемых иностранных граждан, что отражает их значимость для сельхозпроизводителей области. Основную массу трудовых мигрантов (более 90%) составляли граждане КНР.

Примечательно, что использование китайских рабочих способствует сохранению низких заработков в отрасли, поскольку при этом практикуются теневые схемы оплаты. При подаче заявок на привлечение трудовых мигрантов работодатели намеренно ставят минимальный размер предлагаемой заработной платы, на которую местные работники заведомо не согласятся. Действительно, китайцы, работающие в ЕАО, официально получают минимальную заработную плату, тем самым значительно снижая объемы налоговых поступлений⁹. При этом по прибытии в Китай они получают дополнительные выплаты, которые, по нашей оценке, могут превышать официальный доход в 3–4 раза).

Такая практика может иметь несколько причин. С одной стороны, видимость низкой заработной платы позволяла привлекать в область китайских трудовых мигрантов, что решало вопрос высокого уровня безработицы среди сельского населения в Китае в 2000-е гг. С другой стороны, китайские мигранты менее требовательны к условиям проживания, чем местные работники, при более высокой производительности труда.

С середины 2010-х гг. принципиально новым направлением российско-китайского сотрудничества стало привлечение местного населения на китайские предприятия. Причины – ужесточение требований к иностранной рабочей силе, привлекаемой в РФ, снижение курса рубля, повышение уровня жизни и зарплатных ожиданий в Китае. Сегодня такая практика распространена

⁹ Согласно п. 3 ст. 224 Налогового кодекса РФ НДФЛ с зарплаты нерезидента составляет 30% от доходов, полученных от российских источников.

в строительстве, торговле, сельском хозяйстве. Однако местные работники нередко страдают нарушениями трудовой дисциплины, прогулами. Вообще, местные жители, даже проживающие в сельской местности, не проявляют заинтересованности к сельскому труду (независимо от гражданства работодателя). Среди местного сельского населения распространен вариант работы с ежедневным получением заработной платы в размере 500–700 руб.¹⁰

Введение ограничений в России на пересечение международных границ из-за COVID-19 весной 2020 г. отрицательно отразилось на численности иностранных трудовых мигрантов в сельском хозяйстве ЕАО, что в итоге привело к сокращению посевных площадей в области на 33% к уровню 2019 г. (до 95 тыс. га).

В 2019 г. 41,1% посевных площадей ЕАО приходилось на сельскохозяйственные организации со 100% иностранным капиталом и 56,7% – на крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) и индивидуальных предпринимателей. При этом, по данным областного Управления сельского хозяйства, 70% посевных площадей обрабатывались с привлечением иностранной рабочей силы¹¹. В сельском хозяйстве было занято около 80% трудовых мигрантов.

В 2020 г. доля посевных площадей, обрабатываемых с участием трудовых мигрантов, сократилась до 49%. В связи с противоэпидемическими ограничениями был запрещен въезд более тысячи китайских мигрантов¹², ранее заявленных и одобренных для работы в сельском хозяйстве ЕАО, а местные работники не смогли полностью закрыть потребность в трудовых ресурсах.

Выращивание сои: новые институциональные и рыночные условия 2020–2021 гг.

Основная сельскохозяйственная культура в области – соя, что связано с ее высокой рентабельностью и устойчивым спросом

¹⁰ Данные автора на основе интервью летом 2019 г. с российскими фермерами и рабочими, занятыми на полях у сельскохозяйственных производителей области (российских и китайских).

¹¹ По расчетам автора, в 2003 г. данный показатель достигал 35%.

¹² Среднегодовая численность занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве в 2019 г. составила 5,1 тыс. человек.

на российском и международном рынке. Ее выращиванием заняты как российские, так и китайские производители.

В 2019 г. под соей было занято около 90% посевных площадей ЕАО, в 2020 г., по данным Хабаровскстата, посевные площади в регионе сократились на 30%, в том числе под соей – на 32%. Сильнее всего пострадали крупные производители – в сельскохозяйственных организациях посевные площади сократились на 70%. Объем экспорта сои из ЕАО в 2020 г. сократился в 2,3 раза по сравнению с 2019 г.

Из-за девальвации рубля после 2015 г. закупочные цены на сою в Китае стабильно превышают расценки российских предприятий. В итоге практически весь объем сои, выращенной в области, экспортируется в КНР. Традиционно большую часть урожая сои аграрии хранят до весны, когда цены на нее достигают своего пика. Введение ограничений на пересечение границ привело к проблеме сбыта сои, а действующие в регионе закупщики снизили цены. В результате сельхозпроизводители ЕАО весной 2020 г. не смогли заработать и войти в новый сезон с достаточным количеством посевных и горюче-смазочных материалов.

Начиная с января 2021 г. закупочные цены на сою стали расти как за рубежом, так и в России. На рост внутренних цен, помимо мировой конъюнктуры, оказало влияние введение в феврале 2021 г. экспортной пошлины на сою в размере 30%¹³. По оперативным данным ЕМИСС, в 1-м квартале 2021 г. в ЕАО сою закупали по 26,8 тыс. руб./т, в июне цена достигала 43 тыс. руб. и имела тенденцию к росту¹⁴.

На фоне роста спроса и закупочных цен в 2021 г. посевная площадь под соей была сопоставима с показателями 2020 г. (99,6%) и составила 92,5% к уровню 2019 г.

В 2020–2021 гг. из-за противопандемийных ограничений поля и фермы остались без китайских работников. Это вынудило часть китайских фермеров сдать свои участки в субаренду местным

¹³ РФ за неделю до введения пошлины экспортировала рекордный объем сои. URL: <https://www.interfax.ru/business/750617/> (дата обращения: 22.06.2021).

¹⁴ По данным автора, полученным из интервью с руководителями крестьянско-фермерских хозяйств в ЕАО.

аграриям¹⁵. Но некоторые из них остались в ЕАО и вынужденно решают проблему нехватки рабочих рук за счет привлечения местных жителей, как и российские сельхозпроизводители.

В первую очередь востребованы трактористы, особенно в период посевной кампании. На фермах, занятых выращиванием овощей и картофеля, принимают работников для сбора и сортировки урожая. В 2020–2021 гг. на сборе овощей, картофеля работники получали в среднем 100 руб. за 1 час работы, трактористы – до 2 тыс. руб. за смену при ненормированном рабочем дне.

При этом проблема низкой трудовой дисциплины местных работников (в первую очередь в связи с пьянством) никуда не делась. Работодатели-аграрии прибегают к разным практикам по сокращению потребления алкоголя работниками. Чаще всего применяется задержка выплат заработной платы до конца посевной. Необходимые расходы на питание, оплату телефона и других услуг работодатель оплачивает сам в счет будущей заработной платы.

Таким образом, получается, что наличие работы в определенной мере снижает потребление алкоголя местными жителями. Она является важным условием сохранения работоспособного населения, снижения уровня его алкоголизации.

Несмотря на существующий дефицит кадров, можно предположить сохранение и расширение посевных площадей под сою. Этому будет способствовать реализация региональной Госпрограммы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья, продовольствия Еврейской автономной области»¹⁶.

Предприятия с иностранными инвестициями в сельском хозяйстве ЕАО

Основным способом компенсации нехватки местных трудовых ресурсов в регионе является привлечение трудовых мигрантов из КНР. Часто оно сопровождается привлечением китайских инвестиций. В сельском хозяйстве области первые предприятия с иностранным капиталом появились в начале

¹⁵ Долю переданных земель определить сложно, т.к. сделки могут не оформляться официально.

¹⁶ Утверждена в октябре 2019 г. Постановлением Правительства ЕАО № 387-пп.

2000-х гг., но их число было нестабильно. Каждый год более половины зарегистрированных предприятий ликвидировались, а вместо них появлялись новые. Так, на начало 2004 г. в Правительстве ЕАО отмечали, что из 144 предприятий с иностранным участием фактически осуществляли хозяйственную деятельность лишь 23. Несмотря на возможные неточности в учете, в целом можно отметить, что китайские инвестиции, составлявшее 100% ПИИ в регионе, направлялись в проекты с быстрым оборотом денежных средств (торговля, земледелие, лесопереработка)¹⁷.

В 2003 г. 20 предприятий, занятых в сельском хозяйстве ЕАО, привлекали иностранную рабочую силу, из них 10 – с иностранным капиталом. В 2019 г. труд мигрантов использовали 64 сельхозорганизации и КФХ, из них 44 – с иностранным капиталом. Их посевами занято около 49% от посевной площади области, в товарной структуре производства преобладает соя.

Кроме официальных (регистрируемых статистикой) иностранных инвестиций, поступающих в область, отметим сложившиеся практики кредитования китайскими партнерами местных фермеров на приобретение семян, горюче-смазочных материалов неофициально, по договоренности под будущий урожай. Закрытые границы в 2020 г. не позволили местным фермерам работать по данной схеме [Мищук, 2020].

Кроме того, в 2020 г. из-за противопандемийных ограничений китайские арендаторы не смогли приехать в область и в полной мере реализовать работы, что привело к потере для бюджетов муниципальных образований ЕАО около 250 млн руб.

Таким образом, сложившаяся весной 2020 г. ситуация выявила зависимость ЕАО как от китайских трудовых и финансовых ресурсов, так и от спроса на основную сельхозпродукцию.

Социологические опросы о роли китайцев в сельском хозяйстве ЕАО

С увеличением количества организаций с китайским капиталом и масштабов использования труда мигрантов в сельском хозяйстве ЕАО, в регионе менялось отношение к китайским работникам, работодателям, производителям.

¹⁷ Объем иностранных инвестиций в экономику Еврейской АО падает [Эл. ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/290325.html> (дата обращения: 03.07.2021).

В 2010 г. мы провели серию экспертных интервью с целью оценки роли трудовых мигрантов из КНР в экономике региона [Мищук, 2014]. По его итогам были получены следующие выводы:

- при достаточно высоком уровне безработицы в регион активно привлекается иностранная рабочая сила;
- при сохранении существующих условий внешние трудовые мигранты будут привлекаться в экономику области в тех же масштабах;
- трудовые мигранты имеют ряд преимуществ перед местными занятыми: более высокая трудоспособность, нетребовательность к социальным условиям и т.п. при более низкой заработной плате, что делает сотрудничество с ними выгоднее для производителей.

В сложившейся практике привлечения трудовых мигрантов большую роль играли личные связи граждан Китая с представителями бизнеса и власти в ЕАО. В первую очередь это касалось руководителей предприятий – граждан КНР. По словам наших респондентов, в регионе за 10 лет и более сформировался круг китайских предпринимателей, из года в год приглашающих на работу одних и тех же соотечественников.

В 2014 г. мы провели ряд интервью с фермерами, работающими в ЕАО [Mishchuk, 2016]. В ходе опроса были выявлены следующие проблемы развития сельского хозяйства региона: катастрофическая нехватка трудовых ресурсов (работников привозят из города, ищут в соседних деревнях); отсутствие пунктов сбора и хранения сельскохозяйственной продукции, вынуждающее фермеров постоянно заниматься поисками рынков сбыта; низкий спрос населения на местные овощи и фрукты при растущем импорте этой продукции из КНР¹⁸.

Таким образом, в середине второго десятилетия XXI века многие из проблем сельхозпроизводителей в ЕАО имели системный характер и требовали решения на уровне органов власти. Несмотря на то, что на протяжении более 10 лет привлечение китайских трудовых мигрантов считалось одним из главных способов сохранения сельского хозяйства в области, местные

¹⁸ Объемы импортных поставок овощей росли и в целом по Дальнему Востоку РФ – с 415 тыс. долл. в 2005 г. до 1115 тыс. долл. по итогам 2014 г.

аграрии к концу этого периода начали ощущать сильную конкуренцию с китайцами.

Последствия зависимости ЕАО (как и других регионов Дальнего Востока) от импорта плодоовощной продукции из Китая в полной мере проявились в пандемию¹⁹. Дефицит предложения, резкий рост цен обозначили необходимость принятия мер на федеральном и региональном уровнях для расширения тепличного хозяйства на Дальнем Востоке, поддержки местных производителей овощей, субсидирования транспортных затрат на доставку товаров в дальневосточные регионы²⁰.

В исследовании, проведенном нами в 2019 г. [Мищук, 2020], была затронута тема бюджетного эффекта от присутствия китайских мигрантов в ЕАО. Главы муниципальных районов ЕАО, специализирующихся на сельском хозяйстве, отмечали значимую роль китайских аграриев в обеспечении неналоговых поступлений в местные бюджеты²¹. Наибольшие суммы аренды за использование земель сельхозназначения собирают Ленинский, Смидовичский и Октябрьский районы.

Дело в том, что основная часть сельскохозяйственных земель ЕАО находится в государственной и муниципальной собственности и сдается в аренду сельхозпроизводителям. В начале 2021 г. сельскохозяйственные организации арендовали 94% используемых земель, крестьянские (фермерские) хозяйства – 72%, физические лица – 63,6%²². Часть из них сдают арендованные участки земли в субаренду китайцам. При этом если для российских сельхозпроизводителей арендные ставки составляют 1,0–3 тыс. руб./га в год, то для субарендаторов цена поднимается до 5–6 тыс. и выше, в зависимости от характеристик земельных угодий, их местоположения.

Отметим, что такая практика была довольно распространена и в начале XX века. Производительность труда у иностранных земледельцев была выше, чем у местных жителей,

¹⁹ На Дальнем Востоке начался рост цен на овощи и фрукты [Эл. ресурс]. URL: <https://baikal24.ru/text/04-02-2020/024/> (дата обращения: 01.07.2021).

²⁰ Минсельхоз проработает меры поддержки для производителей овощей на Дальнем Востоке. [Эл. ресурс]. URL: <https://specagro.ru/news/202002/minselkhoz-prorabotaet-mery-podderzhki-dlya-proizvoditeley-ovoschey-na-dalнем-vostoke> (дата обращения: 01.07.2021).

²¹ Ст. 62 Бюджетного кодекса РФ.

²² Рассчитано автором на основе данных о земельном фонде ЕАО на 01.01.2021.

что объяснялось более высокой эффективностью китайского огородничества в сравнении с русскими приемами обработки земли, дефицитом у россиян рабочей силы. Поэтому нередко русские крестьяне предпочитали зарабатывать на разнице между выплачиваемой ими аренды казне или частным лицам (2,5 руб.) и суммы, получаемой ими от китайцев (5 руб. 63 коп.) [Mishchuk, 2016].

Сегодня такая субаренда (как правило, без официальной регистрации сделки) широко практикуется на Дальнем Востоке, причем не только российскими хозяйствующими субъектами, но и китайскими арендаторами [Jiaui, 2016].

Главы муниципальных районов ЕАО с неодобрением относятся к теневой субаренде, поскольку в результате местные бюджеты недополучают доход. В то же время некоторые из них отмечают возможность привлечения китайских фермеров к улучшению социальной и транспортной инфраструктуры поселений, оказанию спонсорской помощи при организации мероприятий²³, что частично компенсирует эти потери.

При этом фермерам и хозяйствам ЕАО сложившаяся ситуация, скорее, выгодна. Когда в середине 2010-х гг. у них обострилась конкуренция с китайскими сельхозпроизводителями на земельных аукционах, многие из них высказывали недовольство, что китайские землепользователи, располагающие финансовыми ресурсами в больших объемах, имели на них больше шансов выиграть. Речь при этом шла скорее о конкуренции за ресурсы, но не о противостоянии китайской экспансии.

Случаи субаренды земель зачастую происходят с российскими собственниками или арендаторами земель, не имеющими материальной базы и работников для обработки земель. Для них это способ неплохого заработка. К сожалению, нередко примеры, когда российский арендодатель не имеет представления, как обрабатывается переданный им земельный участок, в каком состоянии находится земля.

Способствует распространению практики субаренды и то, что свободные земельные участки, оставшиеся в области, невелики

²³ Китайское поле экспериментов [Эл. ресурс]. URL: <https://takiedela.ru/2019/12/kitayskoe-pole-yekspериментов/>

по площади или имеют неудобное расположение и требуют дополнительных затрат на мелиоративные работы.

Этапы развития российско-китайских отношений в сельском хозяйстве ЕАО

В целом для российско-китайских отношений в сельском хозяйстве Еврейской автономной области можно отметить следующие аспекты:

- усиление зависимости от китайского труда, техники и финансов;
- глубокая укорененность неформальных практик субаренды земель сельскохозяйственного назначения, снижающая доходную часть местных бюджетов;
- наличие серых схем оплаты труда китайских работников снижает заинтересованность местного населения работать в сельском хозяйстве и поддерживает необходимость привлечения трудовых мигрантов;
- с некоторого времени появились практики привлечения китайскими фермерами русских работников как на разовые работы (прополка, сбор урожая), так и на постоянной основе;
- формирование системы неофициальных китайских кредитов для местных российских фермеров под будущий урожай.

Исходя из происходивших процессов можно выделить несколько этапов, на основе определения ключевых черт действия «китайского фактора» в сельском хозяйстве ЕАО.

1. Вхождение китайцев на рынок ЕАО. 2000–2010 гг. До 2000 г. в области сокращались посевные площади (в 2000 г. их площадь составляла 54% от значений 1990 г.). Однако, начиная с 2000 г., отмечается их постепенный рост (на 36% с 2000 по 2010 гг.). На данном этапе активно создаются и ликвидируются предприятия с иностранным капиталом, расширяются площади сельхозугодий, арендуемых китайскими производителями, приобретается и используется китайская сельскохозяйственная техника. В это время увеличивается доля сои в посевных площадях российских и китайских сельхозпроизводителей. Китайские трудовые мигранты активно привлекаются российскими и китайскими физическими и юридическими лицами.

2. Закрепление на рынке ЕАО. 2010–2019 гг. На этом этапе продолжается расширение посевных площадей (в 2019 г. они

составили 122% к уровню 2010 г.). Политика руководства региона по защите рынка труда и повышению занятости местного населения в виде квотирования иностранной рабочей силы привела к сокращению числа иностранных работников в экономике области, однако в сельском хозяйстве их число остается стабильным. Рост курса юаня привел к более высокому уровню заработной платы китайских работников, но на размерах заработка в целом по отрасли это не отразилось, что является препятствием для привлечения в нее местных жителей. В области сформировалась система кредитования российских фермеров китайскими партнерами под будущий урожай, который потом вывозится в Китай. Полученные средства используются российскими производителями для приобретения и ремонта техники, закупа семян и необходимых удобрений.

3. *Поиск новых форм взаимодействия.* Ситуация в 2020 г. и 2021 г. в корне отличается от предыдущих 20 лет. Отсутствие трудовых и финансовых ресурсов из КНР вызвало необходимость искать источники для их пополнения внутри страны. На период ограничений по въезду трудовых мигрантов из Китая, вероятно, практика привлечения местных работников в сельское хозяйство сохранится. Даже после открытия границ число китайских трудовых мигрантов может быть скорректировано в сторону уменьшения специальной комиссией при Правительстве ЕАО, учитывая ситуацию на рынке труда в 2020–2021 гг.

4. При этом наличие устойчивых российско-китайских связей на протяжении более 20 лет позволяет предположить, что *роль китайского фактора* (в форме аренды земельных ресурсов, импорта сельскохозяйственной продукции из ЕАО, предоставления рабочих мест китайскими работодателями местным жителям) *останется значимой для экономики ЕАО*, в том числе и для сельского хозяйства.

Развитие сельского хозяйства в каждом из дальневосточных регионов имеет свою специфику, поэтому результаты привлечения иностранцев в сельское хозяйство ЕАО не отражают ситуацию на всем Дальнем Востоке. В большинстве дальневосточных регионов присутствуют инвесторы из нескольких стран, а трудовые ресурсы диверсифицированы и привлекаются не только из-за рубежа, но и из других регионов России. Однако серые

схемы привлечения трудовых мигрантов, на наш взгляд, могут применяться и в других российских регионах.

Очевидно, что сложившаяся в 2020 г. ситуация изменила условия развития экономики дальневосточного приграничья. В некоторых из них даже возникла вероятность закрытия предприятий, не способных заменить нехватку китайских работников местным населением или мигрантами из других стран и регионов России [Зуенко, 2020]. Так, и в ЕАО из-за пандемии обострился кризис трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, обозначив необходимость поиска новых подходов в решении проблемы кадрового обеспечения. При этом трудно предположить, что когда-либо удастся обойтись совсем без китайских мигрантов.

Заключение

Развитие внешнеэкономического сотрудничества ЕАО с приграничной провинцией КНР Хэйлунцзян оказало большое влияние на все сферы экономики области. Китайские бизнесмены сохраняют интерес к развитию растениеводства в российском регионе. Земля остается важным стратегическим ресурсом с позиции обеспечения продовольственной безопасности. Для китайских фермеров наличие арендуемых земель (официально или по серым схемам через субаренду у российских землевладельцев) позволяет организовывать бизнес по производству сои, обеспеченный спросом в Китае.

Из всех сельхозкультур соя оказалась наиболее выгодной по стоимости и спросу и менее трудозатратной. В настоящее время большинство посевных площадей области заняты соей, тогда как ранее довольно развитое производство овощей значительно сократилось. Основная причина – большая трудоемкость при низком спросе и стоимости продукции. К тому же круглогодичные поставки овощей из Китая создали большую конкуренцию местным овощеводам.

С начала 1990-х до середины 2000-х гг. в области происходило сокращение посевных площадей. Потом началось активное привлечение в сектор китайских трудовых мигрантов. Минимальные требования по оплате труда, готовность работать сверхурочно, отсутствие социальных гарантий обеспечили привлекательность китайских мигрантов в глазах не только китайских, но и русских сельхозпроизводителей. За несколько лет сформировалась сеть

набора китайских граждан для работы в России, а также система их привлечения и оформления.

Одной из причин предпочтения китайских рабочих местным долгое время было широкое использование на полях области сельскохозяйственной техники, произведенной в КНР. Считалось, что российские граждане, не знающие китайского языка, не смогут на ней работать (хотя в настоящее время местные жители работают на тракторах разных производителей). После 2015 г. курс юаня значительно вырос по отношению к курсу рубля, что привело к росту цен на технику и комплектующие. Многие российские аграрии стали рассматривать возможность приобретения российской сельхозтехники.

Рост курса юаня отразился и на увеличении размера заработной платы китайских мигрантов, что в целом не сказалось на снижении числа заявленных квот на иностранную рабочую силу в сельском хозяйстве ЕАО. В 2015 г. губернатор области заявил, что 70% земель обрабатывается с помощью китайцев²⁴. Сохранение числа мигрантов объясняется высокой долей земель, находящихся в аренде или субаренде у китайских аграриев.

В 2020–2021 гг. из-за противопандемийных ограничений появились случаи субаренды земли уже российскими фермерами. Кроме того, наблюдается и прекращение договоров аренды со стороны китайских аграриев. Однако, очевидно, что приграничное положение области гарантирует дальнейшее российско-китайское взаимодействие.

В целом можно сказать, что в сельском хозяйстве ЕАО за период с начала 2000-х гг. по 2020 г. сформировалось плотное российско-китайское взаимодействие. Привлечение финансовых и трудовых ресурсов из КНР привело как к положительным, так и к отрицательным эффектам, которые, впрочем, являются лишь косвенными. Негативные процессы в сфере учета и использования земель сельскохозяйственного назначения, снижение уровня социально-экономического развития сельской местности и качества жизни сельских жителей, показателей развития всех секторов агропромышленного комплекса области начались еще до прихода иностранных работников.

²⁴ Мал, но удал [Эл. ресурс]. URL: <http://www.eastrussia.ru/material/mal-no-udal/> (дата обращения: 20.08.2021).

Функционирование предприятий с китайским капиталом в сельском хозяйстве области позволило не только сохранять сельхозугодья в работоспособном состоянии, снабжать региональный рынок бахчевыми культурами местного производства, но и пополнять местные бюджеты налоговыми и арендными поступлениями. При этом практически весь объем сои, произведенной на территории ЕАО, экспортируется в Китай, что препятствует развитию местной переработки; при использовании труда мигрантов, аренде земли активно практикуются теневые схемы.

Влияние использования труда мигрантов на развитие социальной сферы также неоднозначно. С одной стороны, присутствие мигрантов не требует финансовых вложений в развитие социальной инфраструктуры, что в целом приводит к ухудшению социально-экономического развития и демографии сельских населенных пунктов [Калинина, 2020]. С другой стороны, платежи китайских арендаторов за землю являются важным источником пополнения муниципальных бюджетов, есть положительные примеры сотрудничества с китайскими предпринимателями в развитии социальной и транспортной инфраструктуры, спонсорской поддержки местных инициатив.

Ограничения, связанные с COVID-19, подчеркнули степень зависимости сельского хозяйства области от китайских трудовых мигрантов, поставок фруктов и овощей, а также важную роль экспорта сои в Китай. Очевидно, что значимость «китайского фактора» в экономическом развитии Еврейской АО, являющейся приграничным с Китаем регионом, высока. При этом международное экономическое сотрудничество не должно ухудшать качество и уровень жизни российских граждан.

На наш взгляд, необходимо вести работу по привлечению местных жителей к работе в сельском хозяйстве, детальнее подходить к оценке необходимости привлечения трудовых мигрантов, в том числе принимать во внимание возможность занижения работодателями размера заработной платы при подаче вакансий в центр занятости.

Так, например, на 23 августа 2021 г. в центре занятости ЕАО заявлены вакансии трактористов-машинистов с заработной

платой от 20–25 тыс. руб.²⁵ В то время как трактористы-машинисты весной–летом 2021 г. в среднем получают 2 тыс. руб. в сутки²⁶, работая в период посевной без выходных.

Рабочие места для местных сельских жителей – это возможность повышения уровня жизни, стабилизации социально-экономической ситуации в сельской местности. Безусловно, сельское хозяйство области в будущем будет связано с китайскими партнерами через их инвестиции, рабочую силу, рынок сбыта продукции, однако, необходимо исключать серые схемы найма мигрантов, проводить работу по улучшению качества жизни в сельской местности. Не менее важным направлением в улучшении ситуации в сельском хозяйстве области является организация перерабатывающих производств, в том числе при участии китайских партнеров.

Литература

Зуенко И. Ю. Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество // Известия Восточного института. 2020. № 2. С. 15–28. Doi: dx.doi.org/10.24866/2542–1611/2020–2/15–28.

Калинина И. В. Социальная инфраструктура как потенциал развития сельских территорий: от прошлого к настоящему // Региональные проблемы. 2020. Т. 23. № 2. С. 39–46. DOI: 10.31433/2618–9593–2020–23–2–39–46

Ларин В. Л. Межрегиональные отношения России и Китая в начале XXI в. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 3(44). С. 22–39.

Лузянин С. Г., Ларин А. Г. Проблема китайских мигрантов в России в контексте сопряжения «ЕАЭС-шелковый путь» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22. С. 64–75. DOI: 10.24411/9785–0324–2017–00005

Мицук С. Н. Мигранты и принимающее сообщество: региональный аспект (на примере Дальнего Востока России). Биробиджан. 2014. 218 с.

Мицук С. Н. Российско-китайское взаимодействие в сельском хозяйстве дальневосточного региона: вызовы 2020 года (пример Еврейской автономной области) / Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Мат-лы X межд. науч.-практич. конф. Благовещенск. Изд-во БГПУ. 2020. С. 467–470. DOI: 10.48344/BSPU.2020.67.20.065

²⁵URL: <https://centr-zanyatosti-naseleniya.ru/svezhie-vakansii-v-birobidzhane?vacancy=%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82-%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82>

²⁶ Данные получены в ходе интервью, проведенных автором в ЕАО августе 2021 г.

Мишук С. Н., Калинина И. В., Соколова Г. В., Фетисов Д. М. Сельское хозяйство и социально-экономическое развитие сельской местности в приграничье // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 8. С. 68–76.

Пискунов С. А. Внутриобластное сельскохозяйственное переселение на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 40-х – 80-е гг. XX в.): политика и практика // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 205–213.

Хорие Н. Позиционирование приграничных районов Дальнего Востока России в экономической и социальной структуре региона: происходящие перемены // ЭКО. 2017. № 3. С. 21–36.

Цзоу Сютин Проблемы и перспективы сотрудничества приграничных пунктов пропуска провинции Хэйлуцзян с Россией // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. Том 3 (69). 2017. № 1. С. 111–118.

Jiang, X., Chen, Y., & Wang, L. Can China's Agricultural FDI in Developing Countries Achieve a Win-Win Goal? – Enlightenment from the Literature. Sustainability, 2018. 11(1), 1–22. DOI: 10.3390/su11010041

Jiayi Zhou Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East, Third World Thematics: A TWQ Journal, 2016. 1:5, 612–632. DOI: 10.1080/23802014.2016.1327795

Mishchuk S. N. Russian-Chinese agricultural cooperation in the Russian Far East. Regional Research of Russia. 2016. Vol. 6. № 1. Pp. 59–69. DOI: 10.1134/S2079970516010093 (in Russ).

Ren J. 黑龙江省对俄农业贸易分析及对策建议 / Analysis of the Heilongjiang Agricultural Province with Russia and Countermeasures. 对外经贸 / Foreign trade and economic cooperation, 2019. 05, 52–53 + 111

Ren Y. F., Li Z. M., Wang Y. T., Zhang T. Y. Development and Prospect of Food Security Cooperation in the BRICS Countries. Sustainability. 2020. Том: 12. Выпуск: 5. Номер статьи: 2125. DOI: 10.3390/su12052125

Yi F., Gudaj R. T., Arefieva V., Yanbykh R., Mishchuk S., Potenko T. A., Zhou J., Zuenko I., Kenina D. Socio-Economic Impact of Chinese Agribusiness Entrepreneurs in Russian Far East on Local Farmers. Journal of Agricultural Science. 2020. Vol. 12. № 4. С. 26–52.

Zhou J. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East, BRICS Initiative for Critical Agrarian Studies (BICAS). BICAS Working 2015. Paper Series, 13, 23–30.

Статья поступила 04.02.2021

Статья принята к публикации 06.07.2021

Для цитирования: *Мишук С. Н.* Китайский фактор в АПК приграничного региона: итоги 20 лет сотрудничества // ЭКО. 2021. № 12. С. 97–119. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-97-119

Summary

Mishchuk, S. N., Cand. Sci. (Econ.), Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, RAS, Birobidzhan; Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow

The Chinese Factor in Agriculture of the Border Region in the Russian Far East: Results of Twenty Years' Cooperation

Abstract. Attracting foreign capital entails the use of foreign labor. Labor migrants are an important factor in the development of agriculture in the Far Eastern regions. The border position of the Jewish Autonomous Region with Heilongjiang Province (PRC) contributed to the formation of stable foreign economic relations, including in agriculture. The paper examines the processes of Russian-Chinese interaction in agriculture, demonstrating a change in the role of Chinese citizens in the development of agriculture and rural areas of the border region of the Russian Far East for the period from the late 1990-s to 2020. The Chinese citizens are represented in this region as investors, producers, workers, and farmers. The author highlights and characterizes three periods of Russian-Chinese interaction in the agriculture of the Jewish Autonomous Region.

Keywords: Chinese labor; investment; Russia-China relations; agriculture; countryside; COVID-19; Far East; Jewish Autonomous Region; China; International Cooperation

References

- Horie, N. (2017). Economic and societal positionality changes in the Russian Far East borderlands. *ECO*. Vol. 3. Pp. 21–36 (In Russ.).
- Jiang, X., Chen, Y., & Wang, L. (2018). Can China's Agricultural FDI in Developing Countries Achieve a Win-Win Goal? – Enlightenment from the Literature. *Sustainability*, 11(1), 1–22. Available at: <https://doi.org/10.3390/su11010041>
- Jiayi, Zhou (2016). Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 1:5, 612–632. Available at: <https://doi.org/10.1080/23802014.2016.1327795>
- Kalinina, I.V. (2020). Social infrastructure as a potential for rural development: from the past to the present. Regional problems. Vol.23. No. 2. Pp.39–46. (In Russ.).DOI: 10.31433/2618–9593–2020–23–2–39–46
- Larin, V.L. (2008). Interregional relations between Russia and China at the beginning of the XXI century. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. The Journal Customs Policy of Russia in the Far East*. Vol. 3(44). Pp. 22–39 (In Russ.).
- Luzyanin, S.G., Larin, A.G. (2017). The problem of Chinese migrants in Russia in the context of the “Eaeu – New Silk Road”. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*. Vol. 22. Pp. 64–75. DOI: 10.24411/9785–0324–2017–00005 (In Russ.).
- Mishchuk, S.N. (2014). *Migrants and the Host Community: Regional Aspect (on the Example of the Russian Far East)*. Birobidzhan. 218 p. (in Russ.).
- Mishchuk, S.N. (2016). Russian-Chinese agricultural cooperation in the Russian Far East. *Regional Research of Russia*. Vol. 6. No. 1. Pp. 59–69. DOI: 10.1134/S2079970516010093 (In Russ.).
- Mishchuk, S.N., Kalinina, I.V., Sokolova, G.V., Fetisov, D.M. (2017). Agriculture and socio-economic development of rural areas in the border area. *Economy of agriculture of Russia*. No.8. Pp. 68–76. (In Russ.).
- Mishchuk, S.N. (2020). Russian-Chinese interaction in agriculture in the Far Eastern region: challenges of 2020 (example of the Jewish Autonomous Region). *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy X mezhdunarodnoj*

nauchno-prakticheskoy konferencii. Blagoveshchensk. BSPU Publishing House. Pp. 467–470. Doi: 10.48344/BSPU.2020.67.20.065 (In Russ.).

Piskunov, S. (2014). Intra-regional agricultural resettlement in the Far East of the USSR (late 1940s–1980s): Policy and Practice. *Rossiya i ATR. Russia and the Pacific*. Vol. 3 (85). Pp. 205–213. (In Russ.).

Ren, J. (2019). 黑龙江省对俄农业贸易分析及对策建议 / Analysis of the Heilongjiang Agricultural Province with Russia and Countermeasures. *对外经贸. Foreign trade and economic cooperation*, 05, 52–53 + 111

Ren, Y.F., Li, Z.M., Wang, Y.T., Zhang, T.Y. (2020). Development and Prospect of Food Security Cooperation in the BRICS Countries. *Sustainability*. Vol. 12. 5. No. 2125. DOI: 10.3390/su12052125

Yi, F., Gudaj, R.T., Arefieva, V., Yanbykh, R., Mishchuk, S., Potenko, T.A., Zhou, J., Zuenko, I., Kenina, D. (2020). Socio-Economic Impact of Chinese Agribusiness Entrepreneurs in Russian far East on Local Farmers. *Journal of Agricultural Science*. Vol. 12. No. 4. Pp. 26–52.

Zhou, J. (2015): Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East, BRICS Initiative for Critical Agrarian Studies (BICAS). *BICAS Working Paper Series*, 13, 23–30.

Zou, Xiuting (2017). Problems and prospects of cooperation of border checkpoints of Heilongjiang province with Russia. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management*. Vol. 3 (69). No.1. Pp. 111–118.

Zuenko, I. Yu. (2020). Coronavirus Pandemic and Russo-Chinese Regional Cooperation. *Izvestiya Vostochnogo institute*. No. 2. Pp. 15–28. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542–1611/2020–2/15–28 (In Russ.).

For citation: Mishchuk, S.N. (2021). The Chinese Factor in Agriculture of the Border Region in the Russian Far East: Results of Twenty Years' Cooperation. *ECO*. No. 12. Pp. 97–119. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-97-119